

Развитие промышленности как средство выхода из системного кризиса*

© 2009 г. А. И. Амосов**

Нынешний финансовый кризис в России коренным образом отличается от кризиса в США и других ведущих странах. Экономика США и ведущих стран ЕС накануне кризиса находилась на стадии социально-экономического развития. Там практически не было инфляции, можно было получить кредиты под низкий процент и т. д. В России же финансовый кризис случился на фоне спада и деградации индустриального производства, продолжающегося уже три пятилетки, за исключением некоторого оживления в 1999 – 2001 гг.

В США и в странах ЕС ставится вопрос о том, чтобы воспользоваться кризисом для перехода к новой технологической структуре экономики. Правомерна ли подобная постановка вопроса и для России? СССР в 1930-х годах воспользовался мировым кризисом, чтобы закупить технологии для реализации планов индустриализации.

Что нам мешает сегодня осуществить подобную модернизацию экономики? Для ответа на данный вопрос следует уточнить понятие «модернизация». На мой взгляд, среди различных определений модернизации своей четкостью выделяется следующее, сделанное В.Л. Иноземцевым 23 марта 2009 г. на круглом столе в ИМЭМО: «Модернизация – это попытка страны, элита которой осознает нарастающее отставание от конкурентов в экономической и социальной сферах, вернуться (или войти впервые) в круг индустриально развитых держав». Из данного определения следует, что для того, чтобы догнать и обогнать другие страны, главное не деньги и не ресурсы. Главным является – наличие правящего класса, ставящего своей целью выход страны на лидирующие позиции.

Сейчас российская элита сосредотачивает свои помыслы и усилия не на индустриальном, или постиндустриальном развитии, а на вывозе капитала за рубеж и на паразитическом потреблении. Если нет элиты, осознающей необходимость и ставящей своей целью модернизацию, то никакой модернизации в России нет, и не может быть, по определению. Каким образом можно выйти из этого исторического тупика? По данному вопросу сейчас пропагандируются разные идеи. Например, в упомянутом докладе В.Л.Иноземцева приводится мысль о том, что если

российская элита никуда не годится, надо призвать на помощь иностранную элиту.

Данную идею нельзя признать новой, и, к сожалению, ее реализация дала скорее отрицательный, чем положительный эффект. Рыночные реформы в России с самого начала осуществляются под руководством и под контролем иностранных советников. Приватизация у нас проходила по рекомендациям американских советников, сидевших в Мингосимуществе. По директивным указаниям МВФ ликвидировали Госплан, Госснаб и государственные банки, осуществили полную либерализацию цен, отказались от прежней системы налогообложения, кредитования, финансирования, сократили в 20 раз государственный бюджет и т. д.

Какие новшества в привлечении иностранной элиты к управлению экономикой России нам предлагают на нынешнем этапе? процитирую упомянутый выше доклад В.Л. Иноземцева: «*Потребуется изменить систему управления, создать ... Национальный научный фонд, управляемый лучшими зарубежными специалистами. Мы должны максимально эффективно заимствовать существующие в мире производственные и социальные технологии. России, видимо, снова придется пройти эпоху ученичества времен Петра I, привлекая иностранные технологии и кадры*». ...«*Россия может дать Европе ресурсы, рынки и квалифицированную рабочую силу; Европа России – капитал и технологии*».

Насчет управления российской наукой зарубежными специалистами, мне кажется, комментарии не требуются. Что касается опыта ученичества времен Петра Великого, то его нельзя повторить, поскольку за последние столетия Россия кое-чему уже научилась. Еще в XIX веке Россия обладала одной из лучших в мире систем фундаментальной науки. Во второй половине XX века в СССР создали лучшую в мире систему массового образования. С самого начала рыночных реформ страны Запада отменили визы для въезда в страну российским биологам, физикам, программистам, специалистам по электронике и т. д. Миллионы дипломированных специалистов «утекли» вместе со своими мозгами в Европу, Канаду, США, Израиль. Получается, что Запад не снабжает Россию кадрами, а вывозит к себе российских ученых и специалистов.

Россия может дать (и уже предоставляет) Европе ресурсы и рынки. Проблема состоит в том, что Европа, в принципе, не может дать России в ответ ни капитала, ни передовых технологий. Что касается капитала, то за последние 20 лет 200 тысяч россиян,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

** А.И. Амосов – д.э.н., заведующий центром структурных преобразований института РАН, г.Москва.

обладающих крупными капиталами, перевели их в Европу и выехали туда на постоянное место жительства. Сейчас во время финансового кризиса вывоз капитала из России возрос до астрономических величин. Если в течение 20 лет Европа поощряла вывоз капитала из России, то вряд ли сейчас она начнет проводить политику ввоза иностранного капитала в нашу страну в целях создания в России импортозамещающих наукоемких производств с помощью европейских компаний.

Относительно передачи России передовых технологий можно сказать следующее: зарубежные фирмы пришли со своими технологиями в российскую торговлю, пивоваренную промышленность и частично в некоторые виды строительной индустрии. Что касается высоких технологий, то пока они из России тем или иным способом вывозятся, а не ввозятся. Зарубежные фирмы построили в России сборочные производства по автомобилям и по крупной бытовой технике. Это можно считать лишь некоторой подвижкой, а не решением вопроса передачи высоких технологий.

Проблема заключается в том, что передача технологий не сводится к решению одних технологических вопросов. При передаче технологий практически всегда складывается настолько сложный набор противоречий, что требуется разрешить конфликт интересов. Самый простой конфликт интересов складывается в тех редких случаях, когда зарубежные машиностроительные фирмы пытаются работать в России, как в Европе. Им просто не дают это сделать те, кто контролирует сейчас российский рынок. Мне известен, как говорят юристы, «не по документам, а «со слов», такой случай: французы, передавшие на московский автозавод (бывший завод «АЗЛК») технологию выпуска автомобиля «Рено-Логан», вначале хотели продавать его по цене эквивалентной 8,5 тыс. долларов. Но в этом случае никто не стал бы покупать автомобили Волжского автомобильного завода из той же ценовой категории. Поэтому французским предпринимателям «намекнули», что ниже 10,5 тыс. долл «Рено-Логан» продаваться не может. Сейчас цену на него подняли до 13 тыс. долл., чтобы эта машина не могла конкурировать с российским Автопромом.

Приведу еще один пример. Европейцы еще во времена Петра I предлагали строить в России дороги европейского качества. Но до нынешних рыночных реформ мы в дорожном строительстве не прибегали к помощи иностранных фирм. В конце 1990-х годов был заключен договор на ремонт Минского шоссе с известной германской строительной фирмой. Впрочем-то, особых технологических секретов в строительстве хороших дорог нет. Российские дороги низкого качества из-за того, что не кладут асфальт необходимой толщины и не добавляют в асфальт то, что необходимо добавлять. Деньги, полученные при подобной «экономии» не пропадают, они расходуются на рост благосостояния отдельных индивидов.

На Минском шоссе в германскую технологию внесли упрощения: асфальт недоложили, а самое

главное – в асфальт не добавили остро необходимых дорогостоящих импортных добавок. В результате в первую же зиму асфальт выкрошился. Образовались многочисленные воронки, как будто дорога подверглась интенсивной бомбежке. После этого провели новый ремонт уже по российской технологии.

Почему во всем мире во время кризиса и сокращения платежеспособного спроса цены снижаются, а в России они растут? Конечно, тут играет роль то, что мы свернули отечественное производство и импортируем все – от продовольствия до оконных шпингалет. Но первопричиной является то, что в России на смену идеологии социально-экономической эффективности пришла идеология криминальной эффективности путем максимизации прибыли любой ценой.

Вместо рыночных отношений равновесия интересов спроса и предложения у нас господствуют криминальные отношения, при которых изгоем становится тот, кто пытается вести честный бизнес. Каким образом можно провести радикальные изменения, обеспечивающие отказ от криминальных отношений и переход на честные рыночные правила игры? Кто должен отстаивать права законопослушных граждан и честных предпринимателей перед лицом криминализированных и коррумпированных структур? Ответ один – это входит в функции контролируемого обществом государством, стоящего на страже национально-государственных, общественных и личных интересов.

В частности, в мировой практике задачи модернизации промышленности и развития машиностроения решаются на государственном уровне. Еще в 1930-х годах в СССР ставилась задача догнать и перегнать передовые капиталистические страны. В 1965 – 1975 гг наше технологическое отставание от США в наукоемком машиностроении сократилось до 3 – 5 лет. Но в 1970-х годах СССР снизил темпы развития. Попытаюсь коротко объяснить на примере электроники, как произошел перелом в отрицательную сторону. Мировая цена типовой производственной линии в электронике в 1965 г составляла 1 млн долл. При таких относительно небольших затратах на технологии по производству полупроводников в 1960-х годах СССР сумел преодолеть отставание в электронике от США и Японии. Отставание стало нарастать в 1970-х годах в связи с резким увеличением затрат на НИОКР в микроэлектронике. В 1980 г стоимость производственной линии возросла до 50 млн долл., т. е. затраты на создание новых технологий в микроэлектронике увеличились в 50 раз.¹

В США и Японии в 1970-х годах были приняты национальные государственные программы создания субмикронных технологий для микроэлектронных изделий новых поколений. По этим программам на создание новой элементной базы в США и Японии направлялись бюджетные средства в размере сотен

¹ Шокин А. А. Министр невероятной промышленности СССР. Страницы биографии. – М.: Техносфера, 2007.

миллиардов долларов. В СССР таких программ не было. Средства выделялись в ограниченном объеме на отдельные проекты, например, создание микроэлементов для управления противоракетными комплексами. Элементная база для гражданской микроэлектроники остановилась в своем развитии.

Чтобы окупить сверхнаукоемкое производство интегральных схем для микроэлектронных изделий, США и Япония начали передавать сборку изделий гражданской микроэлектроники в страны Юго-Восточной Азии, в Китай и т. д. В настоящее время на НИОКР по микроэлектронике выделяются сотни миллиардов долларов бюджетных средств развитых стран. Очевидно, что никто не будет делиться подобными технологиями с Россией.

СССР занимал первое место в мире по объемам выпуска тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники. По качеству наша техника уступала зарубежной, но по соотношению цены и качества была вполне конкурентоспособной и успешно экспортировалась. Наличие собственного сельхозмашиностроения позволило СССР выйти на одно из ведущих мест в мире по объемам производства зерна и другой сельскохозяйственной продукции на душу населения. Сейчас сельхозмашиностроение в России свернуто. Мы превысили нормативы безопасности по импорту продовольствия. В начале рыночных реформ наши машиностроители обращались к европейским фирмам с предложением организовать производство сельскохозяйственной техники на базе российских заводов, но получили отказ.

Это объясняется тем, что современное сельскохозяйственное машиностроение тоже является высокотехнологичным и наукоемким. Ведущие мировые фирмы тратят миллиарды долларов на НИОКР. Новые европейские и американские тракторы и комбайны недоступны по цене средним фермерам. Поэтому в США и Европе фермерам выделяются из бюджета десятки миллиардов долларов субсидий на приобретение тракторов и комбайнов. Очевидно, что ни одно государство не будет выделять субсидии для приобретения сельскохозяйственной техники российскими товаропроизводителями. Европейцы и американцы создают для России рынок подержанных тракторов и комбайнов.

В чем-то схожая ситуация наблюдается в авиационной промышленности. Нам продают подержанные авиалайнеры, а собственный авиапарк с поддержкой государства не обновляют. Самое обидное для России заключается в том, что если бы бюджетные средства, имевшиеся при профиците российского бюджета в 2000-е годы, не были вывезены за рубеж, то этих денег хватило бы на возрождение российского машиностроения, на строительство хороших дорог, на развертывание массовой жилищной ипотеки и подъем сельского хозяйства. Сейчас же мы тратим деньги на поддержку коммерческих банков, занимавшихся спекуляциями, а на поддержку и модернизацию промышленности средств не хватает.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли выйти из кризиса, не выводя из кризиса машиностроение и другие отрасли промышленности? Многочисленные псевдоэксперты, строящие прогнозы выхода из кризиса, убеждают нас, что кризис – это стихийное явление. Между тем прогноз здесь неуместен. Как решат те, кто контролирует финансовые потоки, так и будет. В экономике все процессы планируются. Формы планирования разнообразны. Что касается финансовых кризисов, то они планируются теми, кто их организует. Это подробно описано в экономической литературе.¹ В газете «Gardian» опубликован список должностных лиц, несущих ответственность за выпуск в США в 2002 – 2007 гг. спекулятивных ценных бумаг на 300 трлн долл.²

Ситуация в России складывается таким образом, что наиболее опасные удары в ходе финансового кризиса наносятся по российской промышленности. Будет ли во время кризиса «добита» обрабатывающая промышленность России? В 1941 – 1950 гг. вопреки плану военного уничтожения СССР, несмотря на огромные потери и разрушения, стране удалось сделать качественный скачок в научно-техническом и индустриальном развитии. Удастся ли нам выдержать удары нынешнего кризиса и реализовать планы новой индустриализации России? Все зависит от того, насколько независимую экономическую политику будут проводить те, кто принимает решения в России. И прежде всего, чтобы реализовать планы современно-го индустриального развития, надо их иметь.

Стратегическое планирование должно сочетаться с программно – целевым, индикативным, корпоративным, региональным планированием. Россия до сих пор не имеет национальной программы выхода из кризиса. В этой связи, актуально рассмотреть, каким образом США и другие капиталистические страны выходили из подобного кризиса в 1933 г. и в последующие годы.

После мирового кризиса 1929 – 1933 гг. в законодательстве США и других ведущих стран понятие частной собственности было дезавуировано введением комплекса прав и ответственности эффективного собственника. В данном комплексе прав резко ограничиваются права собственников в использовании принадлежащих им производственных фондов. Например, за нецелевое использование амортизационных фондов налагаются такие штрафы, что никто и не помышляет нарушать государственную амортизационную политику. Амортизационная и иная промышленная политика проводится по отношению не только к крупным предприятиям, но и к мелким.

В России же в XXI веке действует законодательство в духе священной частной собственности Древнего Рима. У нас частные собственники могут позво-

¹ См., напр., монографию Трахтенберг И. А. Денежные кризисы (1821 – 1938). – М.:Изд-во АН СССР, 1963.

² Блинов А. Кризис – творение рук человеческих // Независимая газета. 27.01.2009. С. 7.

лить себе все, что им угодно. Они обращаются с работниками промышленных предприятий, как с бесправными рабами. Наши частные собственники могут вполне законно вывозить и «проедать» капитал в неограниченных размерах, и их нельзя за это привлечь к ответственности. Очевидно, что при «древнеримских» отношениях собственности российская промышленность будет и развиваться на том же уровне.

Для изменения отношений собственности не требуется капитальных вложений. При наличии политических решений можно в ускоренном режиме провести социально ориентированные институциональные преобразования, направленные на трансформацию отношений частной собственности, на производительное использование капиталов, на ограничение спекулятивной деятельности банковских и коммерческих структур, на расширение сферы программно-целевого планирования, подобно тому, как это в 1930 – 1960-е годы делали США и другие развитые страны.

Говоря о модернизации российской промышленности, нельзя обойти молчанием вопрос о структуре занятости в новой индустриальной экономике, которую часто называют постиндустриальной экономикой.

Экономика США называется постиндустриальной потому, что там уже в 1990-х годах в сфере услуг вместе с торговлей, транспортом, связью, коммунальным хозяйством, финансами и страхованием было занято в 3 раза больше работников, чем в промышленности и строительстве. Когда приводят эти цифры, то обычно умалчивают об особенностях американской статистики. Американская статистика относит к промышленности и строительству только рабочих, а административно-управленческий персонал и инженерно-технические работники разносятся по «профессиональным услугам». Если добавить к промышленности и строительству десятки миллионов работников научно-исследовательских, проектных, конструкторских, инжиниринговых, сервисных и ремонтных, маркетинговых лизинговых и иных организаций связанных с индустриальным производством, то роль индустриального сектора будет выглядеть иначе. Тем не менее нельзя отрицать, что в условиях новой индустриализации промышленность организована совсем не так, как была организована советская промышленность.

Например, число занятых на заводах, осуществляющих сборку автомобилей, а также производящих детали и узлы для них, в несколько раз меньше, чем число работников автосалонов, автосервисов, ремонтных мастерских, исследовательских и конструкторских организаций и т. д. Затраты на НИОКР в микроэлектронике и в других наукоемких производствах исчисляются сотнями миллиардов долларов. Статистика вполне правомерно относит эти затраты на профессиональные услуги. Но по смыслу это элемент нового индустриального развития, а отнюдь не постиндустриальной деятельности.

Новое индустриальное производство в промышленности отличается тем, что на одного рабочего промышленных предприятий приходится большое число работников логистических центров, дилерских и сервисных организаций, конструкторских бюро, исследовательских и учебных центров и других видов деятельности, относящихся к услугам. Это не означает, что наступил «закат» промышленных предприятий. Профессиональные услуги без них не имеют смысла. Устаревшие предприятия закрываются, а на смену им создаются новые. По-прежнему, ядро развития сосредоточено в машиностроении. Меняется лишь соотношение между занятыми непосредственно на производстве и в профессиональных услугах.

В определенной и достаточно значительной мере расширение сферы услуг не связано с новой индустриализацией. Это относится к росту масштабов паразитического финансового капитала и непроизводительного использования крупных состояний. При сокращении численности рабочего класса в США значительно возросло число горничных, частных нянь и гувернеров, домашних работников, массажистов и т. д. Но в США, наряду с паразитическим капиталом, функционирует и мощный производительный капитал.

К сожалению, иная ситуация в России. За три «пятилетки» реформ так и не сформировалась система инвестиционных банков. Не останавливаясь подробно на проблемах кредитования и финансирования промышленности, отмечу лишь, что в мировой практике выработано несколько подходов к кредитованию промышленности. В Японии, например, сделан упор на создание крупнейших банков в составе мощных финансово-промышленных групп. В США инвестиционная система работает на базе регулирования учетной ставки и установления ограничений на банковскую маржу по кредитам. В России нет ни промышленных банков, ни необходимого регулирования процентных ставок.

Еще одна проблема – острый дефицит кадров для нового индустриального развития отечественного машиностроения, сельского хозяйства, энергетики, строительства и других отраслей. Нередко при выделении средств на НИОКР и на производство наукоемких изделий в оборонном машиностроении, невозможно найти специалистов для проведения НИОКР и квалифицированных рабочих для наукоемкого производства. В гражданском машиностроении ситуация отличается только тем, что нет ни кадров, ни средств.

Проблема кадров остро стоит и на уровне российских министерств и ведомств. Следует признать, что укомплектованы они отнюдь не как зарубежные научно-экспертные «штабы» по руководству высокоиндустриальной экономикой. Еще хуже обстоит дело с кадрами среди предпринимателей-бизнесменов. Наши крупные и мелкие «бизнес-рантье» – это нечто противоположное рациональным капиталистическим предпринимателям-новаторам. Пределом мечтаний российских «бизнесменов» является проведе-

ние операций, дающих не менее 300 % прибыли. Проблему кадров можно решить, только начиная с уровня госаппарата и крупного бизнеса. А это означает, что начинать нужно с институциональных преобразований. Последние имеют неоспоримое преимущество в том, что не требуют больших затрат и могут быть проведены быстро.

По опыту выхода из кризиса развитых стран России нужны институциональные преобразования отношений собственности, государственного контроля и регулирования, планирования, ценообразования, налогообложения, денежно-кредитной системы. Все эти преобразования имеют прямое отношение к развитию промышленности. Покажу это на примере зависимости отношений собственности от методов построения системы цен.

Почему США обходятся без национализации нефтяной промышленности и без введения государственной монополии на внешнюю торговлю? Потому, что им позволяет делать это их система ценообразования. Внутренние цены в США выше мировых. Это произошло не случайно, а в результате длительного проведения государственной политики законодательного установления гарантированного уровня цены – оплаты труда выше мирового уровня. Если внутренняя цена на нефть выше мировой, то нефть выгоднее реализовать на внутреннем рынке, чем ее экспортировать. Значит, не нужно и национализировать нефтедобывающую промышленность, чтобы изымать природную ренту, образуемую при внутренних ценах ниже мировых.

Что произошло в России при отмене государственной монополии на внешнюю торговлю и денационализации нефтяной промышленности? Внутренние цены в России ниже мировых. И это тоже не случайное явление, а результат длительной политики установления низкой относительно стандартов ведущих стран заработной платы. Когда внутренняя цена на нефть ниже мировой, экспорт ее позволяет получить природную ренту в виде разницы экспортных и внутренних цен. В условиях государственной монополии на экспорт природная рента поступала в доход государства и расходовалась на финансирование импорта и на другие нужды.

В результате отмены госмонополии внешней торговли в 1987 г. организации, занимающиеся экспортом нефти и другого сырья, получили возможность присвоения природной ренты, принадлежавшей прежде государству. Экспорт стал несоизмеримо выгоднее, чем поставки нефти на переработку

внутри страны. Стали создаваться посреднические структуры, занимавшиеся экспортными операциями. Нефтяная отрасль стала стремительно криминализироваться. После распада СССР данные процессы усилились.

Гипотетически было два варианта решения проблемы. Один – ввести госмонополию на экспорт. Второй – повысить внутренние цены на нефть до уровня мировых и свести тем самым природную ренту экспорта до нуля. Правительство объявило курс на повышение внутренних цен до мировых. Но рост внутренних цен на энергоносители при одновременном снижении уровня оплаты труда привел к разрушению внутреннего рынка. Чтобы как-то стабилизировать ситуацию, рост внутренних цен на нефть пришлось притормозить, а оплату труда начать восстанавливать. В такой ситуации правительству приходится изымать часть природной ренты через экспортные пошлины, что само по себе – неплохо.

Однако это не решает проблемы. Повысить внутренние цены на нефть до уровня мировых нельзя до тех пор, пока цена труда у нас ниже мировых стандартов. А до этого момента единственный способ использования природной ренты по назначению, это полное изъятие ее в пользу государства. Самый простой способ изъятия природной ренты – это введение государственной монополии внешней торговли, как это было сделано в СССР.

В США изымают природную ренту более эффективным способом без введения госмонополии внешней торговли. Там берут природную ренту не с природного сырья, а с продуктов его переработки. Например, в США свыше 400 нефтеперерабатывающих заводов, работающих по современным технологиям. Эти заводы вырабатывают гораздо больше более дорогих, чем сырая нефть, продуктов. А значит с нефтепродуктов можно собрать гораздо больше налогов, чем с сырой нефти. В России имеется всего 26 заводов по переработке нефти, большинство из них работает по технологиям 50-летней давности. Если осуществить целевую программу строительства в России по примеру США сотен современных нефтеперерабатывающих заводов, то за счет налогообложения более дорогой, чем сырая нефть, продукции можно собрать больше природной ренты, чем с нефти.

В целом, развитие наукоемких производств обрабатывающей промышленности может дать гораздо больше доходов, чем выполнение функций сырьевого придатка мирового рынка.